

НАДЕЖДА ВОЛГИНА

СУПЕР
"ГОРНИЧНАЯ"

18+

Надежда Волгина
Супер «горничная»

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Волгина Н.

Супер «горничная» / Н. Волгина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0400-6

Подруга клялась, что никаких проблем не возникнет. И Алиса ей поверила, согласилась подменить ее. Работа планировалась два раза в неделю, на пару часов ничегонеделания. А ее бессовестно заставили работать каждый день и гораздо дольше, чем пару часов. Работодатель Алисы - дряхлый старичок? Нет же! Развязный молодой мужчина - любитель баб и гулянок. У них все началось с войны, а дальше покажет время. Автор обложки - Ольга Волкова.

ISBN 978-5-5321-0400-6

© Волгина Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1

Ира опоздала. Кажется, впервые я ждала подругу, а не она меня. Вбежала в кафе запыхавшаяся и какая-то заполошная. Такой небрежно одетой всегда аккуратную и подтянутую мою подругу я тоже видела впервые.

– Извини, что опоздала, – отдуваясь, плюхнулась она на стул. – Ездила на вокзал за билетом.

– Куда-то уезжаешь? – растегнула я еще одну пуговицу на блузке?

В кафе было душно, да и май в этом году выдался необычайно теплым. Даже пожалела, что надела жакет – пришлось бросить тот в машине. А с дизайнерскими и дорогими вещами я не любила так обращаться.

– Уезжаю, ага. Бабушка слегла, а я еду ухаживать за ней. Больше некому, – почему-то виновато посмотрела на меня Ира.

– А как же сессия?

Вот дает подруга! На носу сессия, и уже вовсю идет зачетная неделя. Черт! Зачем только вспомнила об этом – надо срочно подтягивать хвосты, иначе не допустят к экзаменам. А этого я точно не хотела – отец будет в ярости. Что ж, придется включать воображение, подпитываемое моей неотразимостью, благо, мужчин-преподавателей у нас больше... Но я отвлеклась, н-да, Ире от меня явно что-то нужно, раз назначила эту встречу.

– Все зачеты у меня автоматом. А на экзамены если не успею, то сдам в повторную сессию.

Ничего себе! Дело, значит, серьезное, раз Ира решила пойти на пересдачу. Ведь ни для кого не секрет, что на повторной сессии преподаватели относятся к студентам несколько предвзято. И неважно, у кого какая причина, по которой пришли на пересдачу. По негласному правилу в повторную сессию отметки по экзаменам сознательно занижаются. И если Ира на такое решилась, значит, ее бабушка действительно серьезно больна. Но все это мало касается меня, как ни крути.

– Надолго едешь? – поинтересовалась больше из вежливости, и чтобы разговор потек легче.

– Не знаю. Как получится... Алис, мне нужна твоя помощь, – просительно посмотрела на меня подруга.

– Почему-то я так и подумала, – невольно рассмеялась. – Проси уже, – милостиво разрешила.

Я любила свою подругу, но в такие вот минуты чувствовала себя ее мамой, не иначе. Такая она скромная, нерешительная! Я бы даже сказала, забитая по жизни. Ну как можно быть такой рохлей и мямлей?! А ведь голова у нее самая светлая на нашем потоке. Учится на одних пятерки. И преподаватели ее любят. А еще и безотказная, как не знаю кто. Все пользуются ее добротой, в том числе и я, чего уж там.

– Поработай за меня горничной.

– Чего? – кажется, у меня от удивления отпала челюсть.

– Алис, вопрос жизни и смерти, – затараторила Ира. – Если я в агентстве скажу, что уезжаю, меня уволят. А я не могу потерять эту работу. Ты знаешь, как она мне нужна. Единственный вариант, если кто-то будет ходить убирать за меня. По счастью, клиент у меня сейчас один и не каждый день. Тебе придется ходить к нему по средам и субботам. Алис, я тебя умоляю!..

Она даже руки сложила в молитвенном жесте, а я все никак не могла прийти в себя. Нет, я конечно же знала, как держится Ира за свою работу, что позволяет ей оплачивать учебу в универе. Да она хватается за все подряд! Вот и курсовики другим студентам делает за симво-

лическую плату... Но я не могу работать горничной! Нашла к кому обратиться. Меня родная мать-то называет «неряхой от бога».

– Ир, извини, но я не могу.

– Алис, умоляю, мне больше не к кому обратиться, – едва не расплакалась Ира. – Да там ничего особенного и делать не придется. Ну пропылесосишь, пыль смахнешь, полы протрешь... Окна я все перемыла! Дедок очень приятный, каких еще поискать. Интеллигентный, немногословный, – улыбнулась Ира, видимо, своим воспоминаниям о дедке. – Чаем любит угощать, но ты можешь не соглашаться, конечно, – тут же спохватилась, когда я невольно состроила недовольную мину лица. – два дня в неделю по паре часов. Чего тебе это стоит? Пожалуй-ста, Алис!..

Чего мне это стоит? Да прежде всего, переступить через себя. Но и оставлять подругу в беде не хочется. Черт! Ну и дилемма! Ирка – она ведь безотказная и помогала мне миллион раз. Не могу я не выполнить ее почти единственную просьбу ко мне. Не по-дружески это будет.

Через полчаса я осталась в кафе с ключами от особняка, куда пойду завтра убираться, краткими наставлениями, где там и что лежит, и пакетом с униформой горничной. Ира умчалась домой за вещами, а потом на вокзал. Перед этим бурно поблагодарила меня за то, что согласилась помочь. Я же сама в это пока еще не верила.

– Все, дядь Вить! Что ты там говоришь? Не слышу тебя... – все я прекрасно слышал, только вот прервать поток речи на том проводе смог именно так. – Путевку доставят тебе завтра. За дом не волнуйся – я завтра утром вылетаю к тебе. Присмотрю, ну и с друзьями встречусь. Можешь написать мне записку с наставлениями, – не сдержал улыбки, не сомневаясь, что именно так и поступит мой педантичный дядя. А потом сразу же отключился.

Вот же упрямый старик! Врачи ему уже всю плешь проели, что обязательно нужно отдохнуть и подлечиться в санатории для сердечников, а он ни в какую. Дом у него, видите ли, с оранжереей! В ботаники заделался на старости лет, когда всю жизнь проработал на металлургическом заводе, в самом горячем цеху. Никуда его оранжерея не денется, да и мне пора отдохнуть. Завтра первым рейсом и рвану. Осталось уладить кое-какие мелочи на работе – раздать всем задания и пообещать сатисфакцию за невыполнение.

В полдень следующего дня я уже выходил из здания аэропорта в соседнем с тем, где я родился и вырос, городе. Осталось преодолеть каких-то сто километров, и я дома. Ну как, дома. Десять лет я уже там не живу, но все равно считаю наш провинциальный городок родным. И вот уже год, как я там не был.

Еще через час такси въезжало в коттеджный поселок, где три года назад по моему настоянию поселился мой дядя, который заменил мне отца и мать. Так уж получилось, что именно он забрал себе пятилетнего мальчишку, у которого внезапно не стало родителей. И любил я своего дядю за двоих с тех пор. А когда он вышел на пенсию, купил ему вот этот коттедж. Сам, правда, к тому времени я уже жил далеко от него – бизнес, однако.

За год сад перед домом разросся, и сейчас все деревья благоухали цветом и ароматом. Каких только сортов яблок дядя не выращивал – настоящий селекционер. Мысль о том, как сталевар переqualificировался в ботаника, неизменно вызывала у меня улыбку. Но даже если бы дядя захотел разводить экзотических жуков, к примеру, мешать ему точно не стал бы. Для меня главное – что он счастлив.

А вот в санаторий пришлось отправить дядю принудительно. Сердечко-то пошаливало уже, а с такими вещами не шутят. Уговаривать его я устал. Вот и купил путевку в самый лучший санаторий для сердечников на берегу Волги. Поставил его перед фактом и, кажется, добился успеха. Во всяком случае, дом меня встретил тишиной, чистотой и запиской от хозяина.

«Савелий! Иногда ты бываешь хуже банного листа. Вот как пристанешь – не отвяжешься от тебя. Уехал я в твой санаторий, уехал, не волнуйся. Надеюсь, что и ты выполнил свое обещание и читаешь сейчас это письмо...»

Ага. А если бы не выполнил, то прилетел бы сюда не позднее чем завтра, потому что можно засекают время и минут через десять дядя Витя уже будет обрывать мой телефон.

«Что тебе нужно делать в оранжерее. Имей ввиду, что ходить туда и разговаривать с моими красавицами нужно каждый день...»

Дальше шла пошаговая инструкция на лист убористым почерком, что и за чем нужно делать в оранжерее. Мне аж поплохело – я и слов-то половины не понял. Ну да ладно, гулг мне в помощь, разберусь как-нибудь.

«Во всех комнатах у меня цветы, если ты помнишь. За ними тоже придется ухаживать тебе тот месяц, что меня не будет. Они живые, но без помощи человека перестанут быть такими».

Философ, ёпрст! И снова список указаний. Ок! И это будет выполнено.

«А еще на тебе мой кенар по имени Тенор. Он живет в моей спальне...»

Не забывать кормить Тенора, выгуливать... Что? Выгуливать канарейку?! Фух! Ну слава богу, что это заключается в простом выпуске ее из клетки на пару часов. При этом, я должен следить, чтобы все окна в доме были закрыты. Отлично! С этим я тоже как-нибудь справлюсь.

«Ко мне приходит убираться милая девушка. Очень милая и скромная – мой тебе совет присмотреться к ней повнимательнее. И при ней не смей вести себя как придурок-переросток, понял! Оставь на время свои замашки и постарайся быть вежливым и предупредительным, как я тебя учил. Иногда она мне готовит и делает это божественно!»

Ох, ты ж боже мой! Уж не влюбился ли мой старичок в молодуху? Или она его всячески соблазняет, чтобы пожить за его счет? Не волнуйся, дядя Витя, пригляжусь я к твоей «милой девушке» очень внимательно, даже пристально! Просканирую, проверю на вшивость и выведу на чистую воду, если потребуется. Но это завтра. А сегодня... Сейчас мне срочно нужно что-то закинуть в рот и засесть за телефон. Сегодня вечером встреча на Эльбе.

Срочно закинуть в рот ничего не получилось, потому что позвонил дядя и все то, что содержалось в записке, еще и устно повторил, периодически уводя разговор в сторону, откуда приходилось возвращать его. Я же, пользуясь случаем, узнал, как он устроился в санатории. Отлично устроился, о чем я тоже выслушивал минут пятнадцать и даже получил видеоотчет. Ну и только потом отправился на поиски съестного.

На чистенькой дядиной кухне ничего пригодного в пищу, кроме упаковки диетических йогуртов я не обнаружил. Так и пришлось заказывать пиццу. Это мне напомнило детство, правда пиццу мы тогда с дядь Витей пекли сами и запивали ее горячим чаем. Конечно, она была в сто раз вкуснее, но и эту я поглощал с превеликим удовольствием. Даже с трудом выбрался из-за стола, когда коробка с фирменным логотипом пекарни опустела.

После того, как обзвонил всех друзей детства и юности, с чистой совестью завалился спать до вечера. А вечером и ночью силы мне понадобятся точно – кутить собираемся не по-детски. Эх, как же давно я не отрывался. И завтра нужно заставить эту горничную сварить мне

куриного бульончику – нет ничего лучше, чтобы залить горящие шланги. С этими мыслями я и провалился в сон.

Глава 2

– Господи! Что это?!

Я рассматривала наряд монахини, разложенный передо мной на диване, который Ира почему-то называла униформой. Да в такой робе даже убираться неудобно, должно быть. Он разве что годится для того, чтобы спрятать все то, чем тебя природа обделила, ну или сознательно себя изуродовать, чего я точно делать не собиралась.

Так, что мы имеем? Темно-синее платье и белый фартук. Ясенько. Кромсать костюм подруги, конечно же, не буду. За такой акт вандализма не сносить мне потом головы. Но я могу смастерить себе свой собственный, в котором буду выглядеть самой сексуальной и неотразимой горничной на земле. И платье похожего оттенка у меня имеется. Правда, коктейльное и без рукава, зато подчеркивающее все изгибы фигуры. Да и кто сказал, что руки горничной должны быть закрыты? Нет никто!

С фартуком дело обстоит сложнее – такого в моем гардеробе просто нет, даже кухонного. Нет, ну у мамы есть, конечно – в ромашку. Не его же мне надевать. Придется преображать Ирин. Но думаю, за это она мне даже спасибо должна сказать.

Через час кропотливой работы я любовно рассматривала творение своих рук – симпатичный белый фартук, отделанный кружевами. Ох и навился он мне! А когда примерила новую униформу горничной, от самой себя осталась в восторге. Добавить к наряду туфли, те что купила не так давно, синие лакированные, и образ станет завершенным. Пожалуй, предстоящая «подработка» мне даже нравилась. Так и представляла себя в костюме секси-горничной, бродящую по заставленной антиквариатом комнате с венчиком и смахивающую несуществующую пыль. Как в кино! Интересно будет посмотреть на реакцию «милого старичка» на такую шикарную подмену.

В универе сегодня было только две пары. Экипировку горничной я прихватила с собой. А потому и отправилась сразу по адресу, написанному на клочке бумаге круглым почерком Иры, зная, что ключ от домика старичка у меня лежит в кармане.

Только вот домик оказался, скорее, милым коттеджем, да еще и в престижном райончике города – в так называемой элитной зоне, для зажиточных граждан. Могла бы и сама догадаться при минимуме смекалки.

На калитке тоже имелся замок, который я отомкнула вторым ключом на связке с брелком в виде якоря. А ухоженный и цветущий сад пролил бальзам прямо в мою эстетическую душу.

– А там что такое? – пробормотала я, заметив небольшое стеклянное строение в глубине сада. Я уже шла по дорожке к дому, как невольно свернула, влекомая любопытством. Уборка подождет, да и старичок тоже.

Каково же было мое удивление, когда оказалась в сердце благоухающей цветочной оранжереи. Да не просто цветочной, а с экзотическими образцами, некоторые из которых мне были не знакомы.

Признаюсь, что грешна. Цветы я люблю больше, чем людей, потому что в отличие от последних они не могут заботиться о себе сами. Даже растущие в диких условиях они зависят от капризов природы. Эти хрупкие создания настолько нуждаются в уходе и бережном отношении, как ничто другое. А еще они дарят людям такую красоту, что даже грешно не платить им за это добром.

– А вот тут нужно подрыхлить... Тебя, дружок, следовало бы подкормить немного, а то стебелек-то слабенький. Нужно будет сказать об этом твоему хозяину... Так, а тебя почему не поливают? – нашла я взглядом лейку и зачерпнула из бочки воды.

С полчаса, наверное, я бродила в оранжерее, вдыхая пряные ароматы и любуясь палитрой цвета и формы. И не хотелось мне никуда уходить, но долг звал. Так и пришлось покинуть оазис красоты, чтобы отправиться «на задание». Но я пообещала себе еще сюда вернуться. Ну и к хозяину оранжереи невольно преисполнилась уважением.

– Ох ты ж крендель с маком, – как любила говаривать моя бабушка! – Это ж куда я попала?!

Насколько невинно и даже целомудренно коттедж смотрелся снаружи, да еще и на фоне пышного сада, настолько ужасающая картина встретила меня внутри, когда смело открыла дверь своим ключом. Какой там антиквариат! Ну разве что пустые бутылки повсюду относить к тому. Но в таком количестве даже антиквариатом не захламляют квартиру. Да какую там квартиру – антикварную лавку!

Огромная гостиная была похожа на запущенный свинарник. Только свиньями тут не далее, как сегодня ночью выступали люди. Факт! И разошлись все под утро, а в воздухе до сих пор витало табачно-алкогольное амбре.

– Обалдеть! – выискивала я взглядом полные смердящие пепельницы повсюду. – Обалдеть! – повторила невольно. – И это еще мягко сказано.

Больше всего хотелось развернуться и хлопнуть дверью, чтобы не видеть этот вертеп и не вспомнить о нем больше никогда. Но сначала я должна надавать оплеух подруге. Кто бы мог подумать, что Ира окажется такой изворотливой! Аккуратный старичок, она сказала? А как тогда ведут себя неаккуратные?

– Ир, ты мне мстишь за что-то? – гаркнула я в трубу, как только она ответила на звонок.

– Алис, ты что ли? А я на номер не посмотрела – руки в мыле...

– Это что? – переключила я камеру и показала ей комнату, медленно водя телефоном из стороны в сторону.

– А что это, Алис? Ты где?

– Я?! Это ты меня спрашиваешь, когда сама меня сюда вчера отправила? Ты мне только одно скажи – зачем потребовалось так изощренно врать?!

Моему возмущению не было предела. Камеру я снова переключила на себя, чтобы Ира оценила всю степень моего возмущения.

– Алис, я ничего не понимаю, честно. Может, у Виктора Степановича были гости?..

– Такие же культурные старички? – вкрадчиво уточнила я. – По-твоему, это они тут столько напили? Ой, что я вижу! – выцепило мое зрение предмет, от вида которого даже затошнило. – И вот это тоже, – показала я Ире использованный презерватив.

– Алис, я правда не понимаю. Раньше такого никогда...

– Мне пофиг, что было раньше! – снова гаркнула я, хоть мне уже и жалко было Ирку – такой несчастной она выглядела. – Я ухожу, – решительно развернулась к двери.

– Алисочка, умоляю, не уходи, – затараторила Ира, и на глазах ее, кажется, выступили слезы. – Прошу тебя, наведи там порядок. Виктор Степанович обязательно объяснит тебе все и даже доплатит.

– Не нужны мне его деньги!

– Я знаю, что не нужны. Но мне они очень нужны, ты же знаешь. Если ты уйдешь, меня уволят.

Ну вот что с ней делать? Отказать – значит не просто разочаровать подругу, а лишить ее работы. Остаться – тут я даже предположить не могла, чем мне это грозит. А если бы предположила, то уже бы неслась быстрее ветра подальше от этого дома.

– Ладно! Но ты со мной не расплатишься, – буркнула в трубку.

– Я расплачусь, обязательно! – засияла солнцем Ира. – Я все для тебя сделаю.

– Да ты и так все для всех делаешь, – вздохнула я. – Некогда мне, Ир, работа ждет, – снова окинула помойку тоскливым взглядом.

И когда же вернется хозяин всего этого безобразия? Хотелось бы задать ему парочку вопросов.

Чувствуя, как начинаю задыхаться в этой вони, я первым делом распахнула все имеющиеся окна. И сразу же невольно залюбовалась ухоженным огородиком с подвязанными помидорчиками и огурчиками на заднем дворе. Как? Как в одном человеке может сочетаться несочетаемое, объясните мне! Так любить землю и цветы и до такой степени не уважать чужой труд! Тьфу! – с раздражением отошла я от окна и преодолевая брезгливость допинала носком туфли презерватив на середину комнаты. Вот его я не стану убирать ни за что! С него и начну «вежливые» расспросы.

Ага! А вот и шкафчик ретро, в котором бутылочному антиквариату будет самое место. Ну не нести же мне их в пункт приема стеклотары, и желание набивать ими мусорные пакеты и тащить на помойку у меня тоже не было. Около получаса у меня только ушло, чтобы складировать все бутылки в шкафчик, изрядно потеснив там какие-то коробки. В итоге, дверь закрылась с трудом, а открывать ее кому-нибудь я бы не посоветовала. Ну не при мне, точно.

Пока вытряхивала пепельницы и собирала объедки со всех поверхностей, пару раз чуть не вывернуло наизнанку. Зато сразу же стало легче дышать, да и ветерок, щедро врывающийся в окна и надувающий парусами занавески, отлично справлялся со своей работой.

Собирая посуду и заталкивая в мусорный пакет пластиковые тарелки со стаканами, я задавала себе резонный вопрос – зачем мне все это нужно, и почему тут я занимаюсь тем, что меня даже дома делать невозможно заставить? Ответ напрашивался сам – из-за Иры, из-за ее нытья об увольнении. Но сколько же нестыковок у меня в голове! И что стало с аккуратным старичком, про которого рассказывала подруга? Ну не мог же он за одну ночь превратиться в свинью!

Наверное, я могла бы гордиться собой – гостиная постепенно преображалась и уже снова напоминала человеческое жилище, а не бомжатник с добротной мебелью.

Я опустилась на диван и обвела взглядом относительную чистоту. Ай да Лиса-Алиса, ай да молодец! Так меня тоже любила хвалить бабушка. Жаль, что той уже нет, только в воспоминаниях и живет ее доброе морщинистое лицо и немного ворчливый голос. Но я ее любила и в детстве все лето проводила у нее в деревне. Ну а сейчас... Сейчас нужно бы пропылесосить и провести влажную уборку. Поверить не могла, что сижу и размышляю об этом. Что там Ира сказала? Кажется, все необходимое я найду в ванной. Только вот сначала нужно наведаться на кухню – снести туда посуду.

Если бы в момент пробуждения рядом с кроватью я увидел своего дядю, то первое, что услышал бы: «Как ты докатился до такой жизни, Савелий?» Дядя порой любил пафосные речи, но сейчас, разглядывая идеально-ровный потолок и пытаясь вспомнить, как добрался до кровати, я думал примерно так же.

Последнее, что помню, это как Стас завалил одну из ночных бабочек прямо в гостиную. А подружка ее в это время отсасывала Мирону в дядином кресле. Черт! Мы осквернили жилище святого человека! Если бы дядя узнал о том, что творилось тут сегодня ночью, то санаторий ему уже не понадобился. Нет, ну я конечно планировал вечеринку, но чтоб такую развратную... Хорошо хоть сам проснулся один. И кстати, там была еще и третья живая кукла. Вроде как она клеилась к Петру, а меня бог миловал. Да и набирался я вчера такими темпами, что вряд ли был еще на что-то способен.

Пить хотелось жутко, но шевелиться было страшно. Что если голова лопнет, как только я шевельну ей? Не лопнула и даже не прострелила болью. А все не так плохо, как думалось сначала. Еще бы угрызения совести не мучали, как последствия похмельного синдрома.

Очень надеялся, что никто из участников гулянки в доме больше не остался. В любом случае, одеваться пока не было сил, и вниз я поплелся как был – в трусах.

На кухне царил не идеальный, конечно, но относительный порядок, и это меня ввергло во временный ступор. Кажется, именно тут и начиналось веселье, пока не подросло женское подкрепление, и все мы плавнью и уже изрядно пьяною толпой не перетекли в гостиную. Так куда же все испарилось? Или я так напился, что в беспамятстве решил еще и прибраться? Быть такого не может.

Я бы так и продолжал стоять в дверях и тупить, если бы откуда-то из недр первого этажа до меня не донесся гулкий звук и женская брань:

– Чертяга! Да доставайся ты уже, поганка!

А-а-а! Ну так это скромница-горничная пожаловала. Сегодня же как раз среда. Это я удачно почти подгадал. Значит, это она тут успела прибраться. Только вот ее манера ругаться никак не вяжется с тем образом, что обрисовал мне дядя.

Напившись воды прямо из-под крана, я отправился на поиски горничной.

В гостиной ее не обнаружил, зато и тут уже все было убрано. Все, да не все. Предмет, что лежал в самом центре, заставил меня даже покраснеть. Вот же балбесы! Ну они хоть бы презики выбрасывали! И дядина скромница это видела. Интересно, почему не убрала?

Преодолевая брезгливость, засунул презерватив в мусорный мешок, который полный красовался возле двери. Эти придурки у меня еще получают! Стыдно быть такими свиньями.

Очень быстро я определил, что какие-то звуки, словно кто-то методично ударяет по чему-то, доносятся со стороны ванной. Туда я и отправился, уже не сомневаясь, кого я там найду. Только вот меня поджидал такой сюрприз. И даже не сюрприз, а фейерверк, от которого потемнело в глазах, а вся кровь сразу же бросилась в голову и кое-куда еще.

Прямо на кафельном полу, стоя на коленях и выставив на показ свою попку в розовых кружевных трусиках златокудрая нимфа зачем-то ковырялась палкой от швабры под ванной. При этом она бормотала что-то типа: «Вот же зараза!.. Да почему же мне так не везет?.. Доставайся ты уже, круглая дрянь!» Попка ее виляла из стороны в сторону, по мере того как изгибался стан, меняя положение. Кудри касались пола, когда она склонялась слишком низко, заглядывая под ванну. Я же мечтал, чтобы она никогда не вставала, ощущая сначала легкую, а потом все более настойчивую пульсацию в трусах. Чуть не ахнул, когда понял, что мой член уже готов к бою. И если бы трусы были менее просторными, этот солдат их бы точно порвал в клочья. А руки так и чесались, чтобы забраться в эти розовые трусики и исследовать в подробностях все то, что под ними пряталось. Пока еще пряталось, потому что в тот момент я дал себе слово, что обязательно получу эту конфетку.

– Вот ты и попалась – никелированная идиотка! – весело фыркнула блондинка и медленно принялась что-то выкатывать из-под ванны палкой от швабры.

Каково же было мое удивление, когда увидел цилиндрический дозатор для жидкого мыла. Стал бы я так корячиться ради этой безделицы! Но если бы и она не стала, то не видать мне такого великолепия. А еще лучше, чтобы этот дозатор не доставался как можно дольше... Додумать мысль не успел – взгляд нимфы аккуратно уперся в мой детородный орган, который еще и дернулся от неожиданности. Дернулась и она, вскакивая на ноги. И у меня появилась возможность увидеть лицо нимфы. Полная гармония попки... ой, тела и лица. Эта девушка была прекрасна, как богиня, а вот ее небесно-голубые глаза метали молнии, отчего казались мне еще прекраснее.

Волшебство длилось, пока нимфа не заговорила. Вернее, сначала ее чувственные губы искривила усмешка, а потом она произнесла.

– Ну привет, дедуля! Ну надо же! Кто бы мог подумать, что алкоголь в огромных количествах так омолаживает! И что-то я бабули не вижу, с которой вы пили и трахались всю ночь.

Что? О чем это она? Черт! Как же стояк-то ликвидировать?!

– Что шестеренки еще не закрутились? Только и способен, дедуля, что яйца почесывать? – усмехнулась красотка.

Чертовски хороша зараза, а вот руку в трусы я точно зря запустил. Едкое замечание даже смутило.

– Ты где дедулю-то увидела? – с раздражением уточнил.

А ведь она права – и шестеренки в моей голове ворочаются, словно плавают в вязком и сопливом киселе. Стою тут перед ней – растрепанный, в трусах, чешу яйца. Придурок чертов! Только так и нужно производить впечатление на девушку, которая тебя самого сразила наповал с первого взгляда.

– Чай приготовь, – буркнул, выходя из ванной. – Пожалуйста, – спохватился и добавил.

Сам поспешил скрыться в спальне, чтобы привести себя в достойный вид. Благо, на втором этаже тоже имелась ванная. А кто уговорил дядю на два санузла? Любимый племянник, конечно же – самый сообразительный малый и, как выяснилось, тупица. Однако, одно другому не мешает.

Пока умывался и одевался, не переставал размышлять на тему, что скромница оказалась далеко не скромницей, или у дяди это понятие какое-то извращенное. Судя по ее колкостям, меня она тоже увидеть не ожидала, а дядю Витю до этого не встречала ни разу. Так кто же она такая? А вот это мне и предстоит выяснить, как и многое другое.

Глава 3

Что же происходит в этом доме? Кто эта гора мышц в трусах, и куда он подевал старичка? Убил и прикопал в садочке, чтобы покутить в его доме? Вряд ли... И главный вопрос – почему мне везет как никому? Стоило только согласиться на подмену, как неприятный сюрприз не заставил себя ждать. Ладно, все это я обязательно выясню.

Чаю ему захотелось? Будет тебе чаек, дедуля! Да еще какой.

К приготовлению чая я подошла традиционно, но традиции и закончились на замачивании пакетика в кипятке. Дальше пошло творчество в чистом виде. Нет, не подумайте, я не собиралась подавать чай соленный или еще какой. Но и сахарку сыпанула щедро, с полчашки. Ну говорят же, что с похмелья нужно пить сладкий чай. Вот и получай самый что ни на есть сладкий, чтоб аж ложка стояла. А еще крепкий. Не чифир, конечно, но к первому пакетiku я на всякий случай добавила еще один.

Я уже сто раз пожалела, что навела хоть минимальный порядок в доме. Надо было оставить все на своих местах. Ну до выяснения обстоятельств точно. А потом уже ориентироваться по ситуации. А пока я должна все выяснить.

Поставив бокал с чаем в центр стола, я уселась на табурет, выпрямила спину и терпеливо ждала. Телефон лежал рядом, наготове, а дверь находилась прямо передо мной, чтобы не пропустить появление развратника. Чай потихонечку остывал, чему я тоже тихо радовалась. Ну и пошло же тебе предстоит хлебнуть, красавчик. Больше ты меня никогда не попросишь сделать тебе чайку.

Ожидание затягивалось, а мысли мои плавно перетекли в другое русло. В хорошенькой же позе он меня увидел, что вон аж скакун в трусах взбрыкнул. Стыдобища – выставила задницу напоказ. И дернул же черт надеть такое короткое платье. А в вырез он мне как заглядывал! И не соображает ничего с похмела, а туда же... А я даже толком не разглядела его от неожиданности. Помню только рельеф мышц, стоящий член и темно-карие глаза. Все! Не густо получается.

В этот момент дверь в кухню распахнулась, и на пороге предстал объект моих мыслей, но точно не желаний. Не урод, ну и не красавчик. Разве что, фигура ладная, атлетическая, с широкими плечами. Даже широченными, я бы сказала. Да он арматура, а не мужчина, убедилась при более детальном рассматривании. Ну не зря, значит, в народе говорят, что сила есть – ума не надо. Доказательство на лицо.

– Спасибо за чай! – обнажил он пугающе белые зубы в улыбке, плюхнулся на табурет и двумя руками схватил бокал.

Пей, голубчик, – с улыбочкой взирала я на него.

Отпил, скривился, вернул бокал на стол и возмущенно посмотрел на меня.

– Хочешь, чтобы у меня все слиплось? – сдавленно пробасил и скривился еще сильнее.

– А что такое? Случайно пересладила? – невинно поинтересовалась я.

Так. На маньяка он не тянет и по всей видимости находится в этом доме с разрешения хозяина. Осталось выяснить, кто таков, и куда подевался хозяин.

– Попробуй, – придвинул он ко мне чашку.

– Еще чего! – фыркнула я. – Извините, брезгую. Я же не знаю, чем ты там ночью занимался, дедуля.

– Ничем из того, что ты подумала. И почему дедуля? – встал он и выплеснул с такой любовью приготовленный чай в раковину.

Тут же принялся готовить себе новый, я же демонстративно отвернулась.

– Ну может потому, что в этом доме проживает пожилой человек, – ответила на его последний вопрос. – А в центре гостиной лежит такая гадость, о которой даже вспоминать противно.

– Уже не лежит, – коротко отозвался он. – А с пожилым хозяином ты хорошо знакома, должно быть? – пристально взглянул на меня.

Это что? Ловушка? Так не на ту попал.

– Ну конечно! Я же его горничная, – бодро ответила.

– Так я и подумал, – кивнул он.

И на непродолжительный промежуток времени, пока он делал себе чай, в кухне повисла тишина. Я уже подумывала уйти. Не из кухни, а из дома. Пусть вызывает профессионалов, чтобы и дальше вылизывали этот свинарник. Даже порадовалась за Иру, что так вовремя та уехала. Она бы точно стала гнуть спину на этого нахала, да еще и в рот бы заглядывала. И только я собиралась гордо встать с табурета, как качок повернулся ко мне лицом, держа в руке дымящуюся чашку. Последнюю он поставил на стол, но сам садиться не торопился. Вместо этого зачем-то завис надо мной, пригвождая взглядом к месту.

– В чем дело? – поинтересовалась я, не находя себе места под его сканером, но старательно делая вид, что ничего не происходит.

– Встань, горничная, – схватил он меня за руку и сдернул с табурета.

– А ну! Руками не трогать! – гаркнула я, отталкивая его от себя. – Много вас таких...

– Ну такой я один, предположим, – задумчиво проговорил он, прохаживаясь вокруг меня и откровенно оглядывая. Разве что в вырез платья снова не нырнул. Зато ноги мои просканировал на всю длину. – И как же зовут хозяина дома? – вкрадчиво спросил.

– А ты что же, не знаешь? – с вызовом ответила, костеря себя на чем свет стоит, за то, что не поинтересовалась об этом у Иры.

– Я-то знаю, а вот ты, кажется, нет, – усмехнулась гора мышц. – Так что же ты тут забыла, красавица? – приблизился ко мне вплотную, сначала приперев к стенке.

– Так! За сексуальные домогательства можно и в тюрьму загреметь. Если не хочешь неприятностей, отвали! – рыкнула на него я, стараясь выглядеть грозно, хоть его близость и изрядно пугала.

Этот бугай буквально лег на меня. Спиной я чувствовала холодную и твердую стену, спереди было почти так же твердо, но горячо – от его тела прям валил жар. Я же лихорадочно соображала, что буду делать, окажись он все-таки маньяком.

– Думаешь, меня напугают твои угрозы? – приблизил он ко мне свое лицо. – Имя.

– Что?

– Зовут тебя как, горничная? – усмехнулся мне в лицо, практически касаясь моих губ своими.

– Да уйди ты! – уперлась я ему в грудь ладонями, но разве же сдвинешь такую гору.

– Имя, сестра, – глумился он, а руки его уже покоились на моей талии.

Сразу ощутила себя тростиночкой, когда поняла, что он запросто может практически обхватить мою талию руками. А если сожмет их чуть сильнее, то и вовсе сломает. И так мне страшно стало от этой мысли, да под его маниакальным взглядом, что дальнейшее произошло само собой – я заехала коленкой ему по яйцам, хоть и сроду такого не делала ни с кем, разве что видела в кино.

Стон растекся по кухне, как талое мороженное. Но то ли я не сильно ударила, то ли яйца у него были железными, только сбежать не получилось – в последний момент он меня перехватил и потащил в гостиную. Вырывалась как могла, но только запястье заболело. Теперь там точно останутся синяки, – с сожалением подумала.

– Пусти, идиот! Куда ты меня тащишь?!

– Заткнись, идиотка! Сейчас узнаешь!

Разве я могла заткнуться в такой момент – ругательства из меня лились как из рога изобилия. Вот уж что я любила, так это поругаться. Знала и матерные словечки, конечно, но до такого не опускалась. Считала, что выходец из хорошей семьи и ругаться должен интеллигентно. Ну, с натяжкой, ладно. Но не матом!

В гостиной меня усадили на стул и ловко прикрутили руки к спинке ремнем.

– Не больно? Не жмет? – вежливо поинтересовался садист.

– Пошел к черту, урод! – последовал не менее вежливый ответ. – Тронешь хоть пальцем – засужу!

– Я что, похож на тех, кто бьет женщин? – усмехнулся он. – Мы просто поговорим. А обездвигил тебя для страховки. Захочешь помахать ногами – свалишься вместе со стулом, имей ввиду. Повторяю вопрос – как тебя зовут?

Мучитель взял еще один стул и уселся напротив меня. Я же мечтала, чтобы все это происходило неподалеку от шкафчика, и дверь в него вдруг бы приоткрылась, и этого уroda засыпало бы его же бутылками.

– Не дожدهшься, – процедила сквозь зубы.

– Да? Ну ладно, поговорим по-другому, – усмехнулся он.

Встал, приблизился ко мне и... прижался к моим губам! Представляете, ОН МЕНЯ ПОЦЕЛОВАЛ!

– Какого черта?! – едва не сплюнула я. – Чего лезешь своим слюнявым ртом ко мне? Алиса меня зовут! Алиса! – практически проорала.

Так еще со мной никто не поступал, хоть про слюнявый рот я и приврала. Да я и не почувствовала толком ничего от крайнего возмущения.

– Умница, Лиса-Алиса!

– А ты откуда знаешь?

– Что именно? – заметила, как лицо его вытянулось от удивления, и прикусила язык.

Глупый вопрос – он не может знать, что так называла меня бабушка. Да и рифма это самая простая для тех, кто знает сказки.

– Проехали. Развяжи меня уже, и я уйду, – почти попросила.

Раз на него не действует агрессия (вернее, действует не так, как хотелось бы), будем переставать свое поведение – приступаем к уговорам и убеждениям. И как выяснилось сразу, мой ласковый тон вообще не коснулся его слуха.

– Тебя зовут Алиса, а горничную, если мне не изменяет память Ирочкой величать, – расхаживал он передо мной как маятник, отчего аж в глазах уже мельтешило. – Милая скромная девушка, к тому же работающая, не то что некоторые, – окинул он привередливым взглядом гостиницу.

– Ну и козел же ты!

– А речь сейчас не обо мне. Ты кто такая? И говори правду, предупреждаю, – снова опустился он на стул напротив меня.

– Подруга Иры, – вынуждена была признаться.

– И что ты тут делаешь?

– Одолжение ей, что же еще! – невольно возмутилась. Уж не думает ли он, что сама ее попросила поработать вместо нее горничной. – Подруге срочно пришлось уехать, а меня она попросила поработать вместо нее. В агентство сообщать не стала, боясь увольнения. Ну и я согласилась, чего никогда бы не сделала, зная...

– Стоп! Хватит заливать тут соловьем...

И замолчал, вылупившись на меня как баран на новые ворота. Так и застыл с выпученными глазами и приоткрытым ртом. Столбняк на него что ли напал?

– Тенор!.. – столько ужаса я не видела еще ни в одних глазах.

А потом мой мучитель подорвался и рванул по лестнице наверх. Только и успел крикнуть, чтобы сидела я и никуда не уходила.

– Точно, идиот. Куда я со стулом на заднице пойду-то! – чертыхнулась я, уже сомневаясь в его нормальности.

– Маленький кенар по имени Тенор, Маленький кенар по имени Тенор... – меня словно переклинило на этой фразе, пока на всех парусах несли в комнату дяди.

Черт, как я мог забыть про него?! Ни разу не вспомнил ни за вчерашний вечер, ни за больше чем полдня сегодня. И я совершенно не помню, заходил ли кто вчера в комнату дяди. Что если птицу выпустили из клетки? И он улетел... А если околочился? Я ведь даже не покормил его. Черт!..

Перед дверью в комнату дяди замер и прислушался. Оттуда не доносилось ни звука. Черт! А ведь дядя предупредил в записке, что у его кенара всегда должно быть зерно, что без него этого птица нельзя оставлять больше, чем на два часа. Что если он уже валяется кверху пузом на дне клетки? Я ведь даже не проверил его ни разу. Дядя Витя меня не простит!

Набравшись смелости, распахнул дверь в комнату. Первое, что бросилось в глаза, так это идеальный порядок повсюду. Кровать аккуратно заправлена, занавески на окне задернуты. Ни единой вещи ни на одной из мебельных поверхностей. Узнаю своего педантичного дядюшку и безумно радуюсь, что у придурков-друзей хватило ума не перешагивать через порог этой комнаты.

Но где же Тенор? Не сразу обнаружил небольшую клетку, накрытую темной тканью. Только по ткани и догадался, что под ней клетка. И об этом дядя меня тоже предупредил, что Тенора на ночь нужно накрывать. Только вот чего же птиц молчит? Почему не запел с утра пораньше? Глядишь, я бы и пробудился от похмельной спячки...

Страшно было стягивать ткань. Почему-то не сомневался увидеть холодный труп. И никак не ожидал, что встречу с сердитыми черными буравчиками нахохлившейся птицы.

– Фух, слава богу, ты жив! – аж за сердце схватился от облегчения. – Ладно, спой, птичка, не сердись. Тебе со мной дружить нужно, а не мечтать заклевать меня до смерти. Сейчас я тебя покормлю... – так приговаривал я, насыпая зерна в пустую, конечно же, кормушку и пополняя из небольшого графинчика подвешенный на прутья клетки поильник. – Жри, пей и пой! – велел канарейке. – Потом еще поболтаем и погуляем. А сейчас извини, но у меня там еще одна птица томится в клетке, – вспомнил я о своей златокудрой нимфе.

Да, собственно, я и не забывал о ней. Ее прекрасное лицо так и маячило перед глазами, как ни пытался избавиться от видения. По пути вниз все пытался понять, как же мне теперь лучше поступить? Горничная оказалась не горничной, вернее, подменной оной. Убирается она отвратительно – это факт. Но мне обязательно нужно сделать так, чтобы приходила она в этот дом как на работу и не дважды в неделю, а каждый день. Разве что, один выходной, так и быть, я могу ей устроить.

– Соскучилась? – поинтересовался, когда увидел девушку сидящей там же, где ее и оставил.

Черт! Ну я точно идиот! Куда же она денется, привинченная к стулу-то? Хотя, молодежь нынче пошла изобретательнее некуда – могла бы и со стулом улизнуть. Рассуждаю как старик. Аж самому смешно стало. Сколько ей на вскидку? Двадцать два-двадцать три? Точно не больше. Ну и я еще ничего – даже возраста Христа не достиг, а значит и жизненного рубежа.

– По твоему оскалу особенно, – огрызнулась она, и глаза ее снова принялись метать молнии. – Может развяжешь уже? Руки-то – не протезы, больно!

– Развяжу, если пообещаешь вести себя спокойно, не пытаться сбежать и не пинаться. Последнее главное, – вспомнил я про свой бедный пах, которому сегодня ощутимо досталось.

– Развязывай, не сбегу, – вздохнула она.

– Да кто ж тебя отпустит, невольно усмехнулся я.

Точно не я, раз уж теперь точно знаю, что в мире существует такая красота и грация, да еще и в сочетании со столь бурным нравом. Да она мне запала в сердце – не вытравишь теперь. А это значит, что заполучить эту малышку я должен теперь всенепременно.

Пока развязывал ее, прибалдел от ненавязчивого запаха ее духов. Еле сдержался, чтобы не зарыться носом в ее волосы на макушке. И мысленно обругал себя последним садюгой, увидев, как натер ремень ей запястья. Эх, я бы сейчас целовал их до тех пор, пока бы не излечил полностью. Но кажется, с поцелуями я поторопился. Так я ее только отпугну от себя. Куда как приятнее, если она сама захочет поцеловать меня и не только.

– Прошу, – пригласил я Алису на диван.

Сам благоразумно занял кресло, чтобы не находиться к ней пугающе близко.

– Поговорим начистоту? – проникновенно посмотрел ей в глаза.

– Да было бы о чем говорить, – фыркнула она, устраиваясь на диване поудобнее и расправляя запястья.

– Поверь мне, есть о чем, – многозначительно отозвался я.

Какая же она болтливая! Вот про таких говорят, что за словом в карман не лезет. Даже мне, с моим прирожденным ораторским даром, тяжело подбирать слова.

– Для начала давай что ли познакомимся?

– Уверен, что я этого хочу? – закинула Алиса ногу на ногу, и на миг снова мелькнули ее кружевные трусики.

У меня же в паху едва не случилась революция. Да что ж это за реакция на женщину, словно я десять лет строгого режима отсидел?! Если и дальше так пойдет, то я превращусь в озабоченного. С этим надо что-то делать.

– Ну нам же надо будет как-то общаться.

Меня чуть не передернуло, когда услышал свой сдавленный голос. Алиса же посмотрела на меня сначала с недоумением, а когда перевела взгляд на мои туго переплетенные ноги, недоумение сменилось пониманием. Но слава богу, от комментариев она воздержалась.

– Не думаю, что так уж это и надо, – усмехнулась она, не переставая рассматривать мои ноги.

– Собираешься приходить сюда и отмалчиваться? Ни за что не поверю, – невольно развеселился я.

Трудно было представить ее молчащую в тряпочку. Сомневаюсь, что она вообще умеет молчать.

– А кто сказал, что я собираюсь приходить сюда? Кажется, одного раза мне более чем хватило.

– А как же твоя подруга? – невольно испугался я и принялся лихорадочно соображать.

– Блин! – раздраженно мотнула она головой. – Не знаю как! – перевела на меня возмущенный взгляд. – Пойду в агентство и как-нибудь улажу этот вопрос. А тебе клиниговая команда в помощь, если не хочешь жить на помойке.

– Ну нет. В агентство ты не пойдешь и приходить сюда будешь. А если не сделаешь этого, то я сам позвоню туда. И будь уверена – после моего звонка твоей подруге этого места не видать больше.

– Ну ты и скотина!

– Ничего личного, – развел я руками. – Здоровый эгоизм. Мне нужна твоя помощь.

Она права – и я скотина. Последнее дело – шантаж, но я же чувствую, что уговорами ее не взять. Так что мне остается?

– Ну ты же сам сказал, что убираюсь я плохо. Не лучше нанять того, кто это делает качественнее?

- Не лучше, а убираться я тебя научу.
- Ты? – рассмеялась она.
- Я, а что? Не веришь? Тогда, предлагаю проверить.

Я залюбовался. Попал под очарование этой смеющейся богини. Нет, я пропал в лучах ее смеха. Потерял голову, резко поглупел... Сам не заметил, как встал и приблизился к ней. Сообразил, что что-то не так, когда наткнулся на ее настороженный взгляд. И только потом понял, что шел к ней, чтобы сорвать с этих смеющихся губ поцелуй. Опять двадцать пять!

- Савелий, – протянул я руку.
- Вот только давай без этого, – подняла она руки ладонками вперед. – Без рук, ладно? Тебя зовут Савелий? – снова едва сдержала смех.
- Да. А что?
- Да имя какое-то устаревшее.
- И модное, заметь. Можешь звать меня Савушкой, – не сдержал я издевательской улыбки.

– Савушка, Савельюшка, Совочек, – все же рассмеялась она. – Не собираюсь я тебя никак называть.

- Хорошо, не хочешь по имени, можешь звать меня господином. Не принципиально. На это она уже не нашлась, что можно ответить. А пока соображала, я продолжил.
- Ты ведь должна приходить сюда по средам и пятницам, если не ошибаюсь?
- Ну? – посмотрела она на меня исподлобья.
- Меня это не устраивает. Мне нужно, чтобы ты приходила каждый день.
- С какого это перепугу?!
- Ну тут такое дело... Мой дядя ботаник-любитель, цветами засадил весь дом и огород. Видела, наверное? А я в них ни черта не смыслю. А ты? За это я буду доплачивать тебе дополнительно и щедро, – спохватился, что не озвучил самое главное.
- Я что, похожа на человека, который нуждается в деньгах?
- Ну судя по длине твоего платья, у тебя не хватило денег на отрез побольше, – неумело пошутил я.

Про вырез на груди уже промолчал. Но как же он манил! Хотелось разузнать, что же там скрывается. Не сомневался, что что-то безумно привлекательное и возбуждающее. И если уж говорить на чистоту, то плевать мне было, какой длины у нее платье, учитывая, что видеть ее я хотел вовсе без него.

- Не нужны мне твои деньги!
- Хорошо, – кивнул я и на всякий случай вернулся в кресло. Стоять так близко от нее и бездействовать было невыносимо. – Тогда ты сделаешь это ради своей подруги.
- Я учусь, и у меня не так уж и много свободного времени.
- Приходи во второй половине дня, часа на три, скажем. Когда тебе удобнее? Давай ближе к вечеру...

- Она задумалась, а потом внимательно посмотрела на меня.
- Ты ведь не отстанешь?
 - Угадала, – расплылся я в почти счастливой улыбке.
 - Хорошо. Смогу приходить в пять. Суббота, воскресенье – выходные.
 - Договорились. Но за цветы я тебе буду платить сверх тарифа.
 - Иди к черту со своими деньгами!

Глава 4

Мне нужна была новая униформа. Сверкать задницей перед Савелием больше не собиралась, как и облачаться в монашеское одевание Иры тоже. А потому, на следующий день сразу же после занятий я отправилась в магазин. Мне нужно было купить что-то стильное, броское и подходящее случаю. Несмотря на явный и не совсем здоровый интерес ко мне агрессора и временно моего хозяина, расхаживать перед ним в чем-то сиром и убогом отказывалась. Не мой стиль!

Как раз, когда подъезжала к своему любимому торговому центру, позвонила Ира. Как-то за всеми событиями вчерашнего дня, когда вернулась домой в легкой душевной разбалансировке, сама позвонить я ей забыла.

– Привет, Алис! Ну что, объяснил тебе Виктор Степанович причину такого погрома в доме? – задала подруга вопрос, который, видно, не давал ей покоя со вчерашнего дня.

Странно, что она не позвонила раньше. Ну да ладно, все-таки бабушка больна, ей, наверное, сейчас не до чего. Но и оставить этого дела я просто так не могла, а потому с издевкой проговорила:

– Твой старичок резко помолодел и похорошел. Мышцы силой налились, морщины разгладились, член рвется в бой... Уж не молодильных ли яблок он отведал?

– Ничего не понимаю. Алис, ты о чем? – растерялась Ира, и мне даже жалко ее стало.

Поняла я уже, поняла, что подруга тут не причём, что не хотела она меня подставить. Так получилось случайно – ее, как и меня, никто не предупредил. Но, блин, язык мой – враг мой, обязательно должна поиздеваться.

– Да я о том, что нет там никакого старичка, – проговорила на выдохе. – Вместо него какой-то бугай в трусах расхаживает по дому.

– Бугай?.. Слушай, ну это, наверное, племянник Виктора Степановича приехал, – осе-нило Иру.

– Не наверное, а точно! Он самый. Пренеприятнейший тип, должна сказать. Наглый и слишком болтливый. Даже меня переплюнул.

– Да? А Виктор Степанович про него рассказывал столько хорошего. Он вроде живет где-то в Сибири – не то в Сургуте, не то в Омске, не помню. Крупный бизнесмен, кажется. Не женат. Меня еще Виктор Степанович сватал за него, – рассмеялась Ира. – Алис, а тебе он понравился?

– Шутишь?! – возмущению моему не было предела. – Да мы с ним едва не подрались. И шантажист он конченный!

– Он тебя что, шантажировал?!

– И еще как! Теперь из-за тебя я буду гнуть спину в его доме каждый день пять дней в неделю!

– Алис, мне так жаль...

– Жаль ей! Ну ладно, не только из-за тебя, – Ире я, конечно, ни за что бы не призналась, что решающую роль в моем согласии работать на Савелия сыграли ни его угрозы или любовь к подруге, а бедные растения, которые в таких варварских лапах за месяц точно загнуться все. – Там еще цветы погибают без должного ухода. Ты почему мне про них ничего не сказала?! – тут же набросилась на нее.

– Да я как-то забыла, извини.

– Ладно, проехали. Лучше скажи, как там твоя бабушка?

Этот вопрос я задала тоже больше из эгоистических соображений, каюсь. Нет, плохого бабушке Иры я точно не желала – только скорейшего выздоровления. И чем скорее она попра-

вится, тем раньше подруга вернется к своим обязанностям горничной. Как ни крути, мне это только на руку.

– Не очень, – вздохнула Ира. – Врачи велели соблюдать постельный режим, пить таблетки по часам. В таком возрасте со здоровьем шутить нельзя.

– А ты сама как там? Не лезешь на стенки от скуки?

– Да мне и некогда скучать, – тихонько рассмеялась подруга. – А вообще, тут красиво, и вода в озере уже теплая. Я разок уже искупалась...

– Ну и хорошо!

На этом наш разговор с подругой и закончился. Она обещала звонить почаще, я же ей поклялась, что побуду «горничной» до ее возвращения. Чем мне это грозит, пока еще слабо представляла. Но то, что в обиду себя не дам никому, не сомневалась.

К выбору униформы я подошла по максимуму творчески. Во-первых, это не должно было быть платье (чтобы некоторые озабоченные самцы держали руки при себе!). Во-вторых, мне должно быть удобно двигаться как по дому, так и по огороду с оранжереей (там я собиралась проводить большую часть времени, чему тихо радовалась). В-третьих, я должна выглядеть неотразимой (это аксиома, так я выгляжу всегда!). В конечном итоге, после часового похода по бутикам выбор мой остановился на ярко-зеленом комбинезоне с люрексовыми вставками. Впереди он был на молнии. Особенно мне понравились рукава фонариками – и модно и оригинально. Ну и низ-галифе мне тоже невероятно шел. А еще в нем было очень комфортно – мягкая ткань совершенно не стесняла движений. Отличный выбор, как ни крути!

К назначенному времени я подъезжала к дому, который про себя назвала вражеским. Что ждет меня сегодня за его стенами, понятия не имела, но на всякий случай готовилась ко всему. Из дома прихватила удобрения для растений. У меня, конечно, не имелось такой оранжереи, но моя комната тоже была вся в цветах, которые я просто обожала и тряслась над каждым, как над малым дитя.

– Постой! Ты что же, втюрился в нее?

Реакция Петра насмешила даже. Сам, значит, не пропускает ни одной юбки, а я и влюбиться уже не могу.

– С первого взгляда, заметь. И она невероятна! Никогда не встречал таких женщин.

Я уж не стал ему рассказывать, что сначала меня пленили ее задница и кудри, а уж потом я оценил картинку в целом. Петру об этом точно знать не обязательно. Я и сам пока еще пребывал в легком одурении от того чувства, что накатило внезапно и неожиданно. Я, конечно, влюблялся и раньше, но обычно для этого требовалось какое-то время. Сейчас же образ златокудрой нимфы постоянно маячил у меня перед глазами. Даже в кроватках, которые заказал себе сейчас, я видел какое-то сходство с ней. Дикость, однако.

– Надо накатить, – потрянул Петр головой. – Составишь компанию?

Он позвонил под вечер и предложил где-нибудь посидеть. Заняться мне было все равно нечем. Кенара к тому времени я уже накормил, выгулял и ублажил беседами. Он мне за это спел соловьем. В общем, кажется, мы с ним нашли общий язык.

В доме царил идеальный порядок после двухчасовой работы бригады профессионалов. Три женщины с таким усердием начищали дядино жилище, что мне даже пришлось попросить их настолько уж не стараться. Ну а после звонка Петра я с чистой совестью отправился проветриться. Заодно вот решил поделиться с ним сердечной радостью или горем – тут я еще не определился.

– Нет, спасибо! С меня вчерашнего пока хватит – до сих пор голова как будто не моя.

На мой отказ выпить Петр никак не отреагировал, а себе заказал стакан пива.

– И что ты собираешься делать? – поинтересовался приятель, отпив залпом добрую половину бокала и блаженно откинувшись на спинку дивана. – Стелиться ковриком у ее ног?

– Прикалываешься? Каким ковриком? С такими так нельзя. Ей дай палец, как говорится, пол тела отхватит. Она акула! Ну в хорошем проявлении, само собой. А еще она воин и кактус.

– Черт! Мне уже хочется посмотреть на нее, – рассмеялся Петр. – Из твоих описаний получается что-то устрашающее.

– Ну я же про характер, ты же понимаешь.

– А сколько ты с ней общался, что так хорошо успел изучить?

– Не больше часа...

И тут Петр заржал в своей лошадиной манере. Внимание на нас обратили, конечно же, все посетители бара. Глядя на приятеля, я тоже принялся смеяться. Над собой, однако. Собственное заявление, что знаю Алису хорошо после часового знакомства, и мне показалось нелепым. Но дело обстояло именно так! Вернее, совсем не так. Эта девушка казалась мне самой загадочной загадкой на земле. Я ничего не знал о ней, даже примерно не догадывался, чего от нее можно ожидать. Я был пленен ее внешностью, но собирался завоевать ее всю. А для этого мне придется изучить ее как настольную книгу. Благо, я добился того, что приходит она будет каждый день. А дальше уже сориентируюсь как-нибудь.

– Удачи тебе, друг! – отсмеялся Петр. – Как говорит мой отец, иных женщин и за всю жизнь не поймешь. Ты же свою успел изучить за час.

Я все-таки пропустил бокальчик пива за компанию с Петром. А еще, по мере пьянения, друг мой все обильнее сыпал советами по завоеванию мною Алисы. И я все больше задавался вопросом, с какими женщинами он привык иметь дело? Но явно его типаж кардинально отличался от моего.

Советы Петра:

Корми ее вкусно и сыто. Они любят послаще и пожирнее. И главное, побольше протеиновых. *Тут напрашивался вывод, что все его женщины занимаются тяжелой атлетикой и усиленно питаются, наращивают мышечную массу.*

Почаще рассказывай ей анекдоты – когда женщина смеется, теряет способность соображать. *Вывод – все его женщины глупые хохотушки.*

Пореже мойся – бабы тащатся от запаха мужского пота. И никакого парфюма! *Вывод – каменный век и первобытные самки.*

В общем, вряд ли я воспользуюсь когда-нибудь советами друга. Но вечером я удобно устроился перед телевизором, который включил для фона и задумался на тему, в чем мне завтра встречать свою новую горничную? Точно не в костюме, которого у меня с собой и не было, к слову. И не в трениках со слегка вытянутыми коленками, в которых я обожаю бегать по утрам. Оставалось облачиться во все черное и на этот случай у меня имелись довольно стильные неброские брюки и футболка в тон. Сам я считал, что черный цвет мне к лицу. Да и не только мне – он многим идет.

А еще через пять минут, когда я преисполненный радужными фантазиями о завтрашней встрече, распахнул дверцы шкафа, чтобы достать свой чемодан, меня едва не убило. Я и не понял ничего сперва, когда меня засыпало бутылками, а одна так и вовсе здорово припечатала по темечку. Какого черта они тут делают, когда еще недавно их тут не было?! И только потом я понял, что складировала их тут златокудрая мерзавка. И ведь специально составила так, чтобы все они ломанулись наружу, как только дверцы откроются. Это уже переходило все границы, и чем дольше я смотрел на битое стекло под ногами, тем страшнее в моей голове рождался план

мести. Все! Никакой деликатности она от меня теперь не добьется! В этот вечер я объявил ей войну с элементами секса. Решил укрощать ее собственными методами.

Глава 5

Почему так часто в жизни срывается закон подлости? А? Вот ведь еще полчаса назад ничто не предвещало дождя, а стоило мне только выйти из машины, как подул сумасшедший ветер, и с неба принялись падать первые капли дождя. И если бы я не рванула к дому, то умудрилась бы вымокнуть до нитки, потому что ливануло, как только я оказалась под навесом.

Не успела я решить, стоит ли открывать дверь имеющимся у меня ключом, как та распахнулась, а я оказалась в жарких и тесных объятьях. Таких тесных, что от неожиданности даже пакет с удобрениями выпал из рук.

– А кто это к нам пожаловал? Новогодняя елочка, пахнущая дождем?

Дыхание Савелия обожгло мне ухо и щеку, а его ладони припечатались к моим ягодицам. От такой наглости невольно задохнулась. А когда почувствовала бугор, что бесцеремонно прижимался к моему животу, то и вовсе разозлилась.

– Заготовки убрал! – прорычала ему в лицо. – А то ведь елка может и исколоть. А еще покусать!..

– А еще ты знаешь приемчики, – расплылся Савелий в довольной ухмылке и смачно огладил мою пятую точку. – Это мы тоже проходили. Только вот, не боюсь я тебя, рыжуха.

– Да, пусти ты! – принялась активно вырываться я, когда руки его двинулись вверх, подбираясь к моей груди. – Мы же договорились – без рук! И я тебе не рыжуха.

Терпеть не могла это прозвище! Так меня дразнили в школе за пышную шевелюру, отличающую рыжиной. Но с возрастом рыжины в волосах становилось все меньше, да и я подкрашивала их в золотистый оттенок. Где он там рыжее-то разглядел?!

– Сколько же силищи в тебе! – со смехом оторвал меня Савелий от себя, но продолжал удерживать за плечи. – Брыкаешься, как строптивая кобылица.

– А из тебя эпитеты прут как из рога изобилия! И все такие ласковые приятные слуху. Пусти, сказала!

– А ты не заслужила других. Кроме того, тебя следует наказать за вот эту шишку, – взял он мою руку и прижал к своей голове.

Первое, на что невольно обратила внимание, так это то, какие мягкие и даже шелковистые у него волосы. А потом уже почувствовала под пальцами приличных размеров шишак.

– И что это? – вырвала я руку.

– Бытовая травма, что же еще. Сознательно нанесенное увечье, за которое грозит уголовная ответственность. Ты случайно не знаешь, кто забил дядюшкин шкаф бутылками? – вкрадчиво поинтересовался Савелий.

– Понятия не имею, – равнодушно пожала я плечами.

А сердце-то уже было не на месте – зашло в легком испуге. Значит, месть свершилась, и его поколотило бутылками. Сама я как-то забыла про них за всеми последними событиями и переживаниями. А вот его, кажется, умудрилась разозлить. И чем это мне грозит, остается только догадываться. Впрочем, скоро я все узнаю, судя по его виду. Смотрит, как будто сожрать собирается.

– А вот я догадываюсь. И теперь я должен наказать тебя.

– Да кто ты такой!..

– Тот, на кого ты сейчас работаешь, – перебил меня Савелий. – И если раньше мы договаривались на три часа, то теперь ты будешь оставаться тут на пять часов.

– С ума спятил?! Это же почти полноценный рабочий день! – возмутилась я, про себя решив, что пока отделалась малой кровью.

Да и маловато было трех часов-то, положила руку на сердце, чтобы успевать сделать все в доме и в оранжерее. Цветы требовали особого ухода – это же экзотика!

– Понимаю... – протянул Савелий. – И готов тебе платить за него зарплату, хоть ты этого и не заслуживаешь. А еще – мне не нравится твой наряд. Прежний был гораздо лучше, – расплылся он в похабной улыбочке. – Завтра приходи в нем. Ну разве что, трусики можешь менять. Думаю, на тебе мне любые придутся по вкусу.

Вот же урод озабоченный! Даже не подумую! А заставить он меня точно не сможет.

– Ладно, чего мы тут время зря теряем, – схватил он меня крепко за руку. Вот же – еще и ласты тут свои распускает. Но вырваться не стала – хватит с меня вчерашних синяков. – Как видишь, в доме чисто, за тебя это сделали более умеющие люди, – обвел он взглядом гостиную, и я невольно последовала его примеру.

Да, все вокруг сверкало чистотой, только вот цветочки в горшках показались мне какими-то вялыми, грустными. Ничего, родные, я вас сегодня обязательно полюблю и позабочусь о вас. Только потерпите чуть-чуть – сначала мне нужно разобраться с этим деспотом.

– Сегодня от уборки я тебя освобождаю.

С этими словами Савелий потянул меня к лестнице. Но не вверх, а вниз. В подвал он меня, что ли, тащит? А там решил убить и замуровать в стену?

– Куда мы идем? – поинтересовалась будничным тоном.

– Покажу тебе фронт работы.

– В подвале?

– А ты бы предпочла мою спальню?

– Я бы предпочла не знать тебя никогда!

– Увы – судьба распорядилась по-своему, – хохотнул Савелий, не переставая тянуть меня сначала по лестнице вниз, а потом по узкому темному коридору.

Что-то мне уже страшновато становилось. В самом деле, что он удумал?

Когда яркий свет залил просторное помещение, куда привел меня Савелий, я поняла, что нахожусь в прачечной. Ну все верно – такие места часто устраиваются в подвальных помещениях. Тут имелись стиральная машинка, сушилка, гладильная доска... Вот к ней-то и подвел меня Савелий.

– Я тут вчера постирушки устроил, – кивнул он на таз, полный белья. – И теперь все это нужно погладить. Имей ввиду – рубашки должны быть выглажены идеально, никаких множественных складочек на рукавах. Допускается одна только. Не забудь отутюжить плечи... В общем, что я тебе тут рассказываю – надеюсь, уж гладить ты точно умеешь.

– Ошибаешься, – уныло отозвалась я.

В душе уже разливалась тоска – гладить я не только не умела, но еще и терпеть не могла. Это занятие считала самым скучным в жизни. За утюг бралась только в крайних случаях, когда что-то из одежды нуждалось в утюжке. Но вообще, вещи себе старалась выбирать немнущиеся – благо, сейчас с этим проблем не было.

– Что? Не умеешь? Да ладно... Все женщины умеют гладить, – рассмеялся Савелий.

И что его так обрадовало, интересно?

– Я тебе не все! И я не умею!

– Ну тогда у тебя есть шикарная возможность обучиться и этой премудрости, – сунул он мне в руки тяжеленный утюг. – Дерзай, – и посвистывая, направился на выход.

Я так и не нашлась, что можно сказать. Смачно выругалась, когда за Савелием уже закрылась дверь.

Я соврал, когда заявил, что в новом костюме она мне понравилась меньше. Безумно понравилась! Яркие цвета и покрой комбинезона еще больше подчеркивали красоту этой девушки. Разве что, показывал он намного меньше. Ну так, всем известно, что то, что надежно скрыто, вызывает еще больший интерес. Вчера в платье и переднике она была одним челове-

ком – дерзкой и красивой, сегодня же Алиса показалась мне торжественной и неприступной. А уж когда приобнял ее и прислушался к реакции своего тела на нее, лишний раз убедился, что эта женщина для меня, что ни на кого до нее я не реагировал так остро.

А с бельем это я здорово придумал. Мне польза, как ни крути, и лиса эта научится чему-то полезному в жизни. А то пока у нее только язычком хорошо чесать получается. Ох и языкастая особа! На все у нее имеются ответы. Надо бы узнать ее поближе – чем живет, чем дышит, из какой семьи... Вот ведь не думал, что приеду в отпуск и встречу любовь всей своей жизни.

Время близилось к ужину, и голод давал о себе знать, учитывая, что пообедать я как-то забыл сегодня. Надо бы и златовласку накормить чем-нибудь вкусненьким. Не протеинчиками, конечно, как советовал Петр, но удивить каким-нибудь изыском можно. Только вот, ничего такого я сроду не готовил. Да и вообще готовить не умел. А это значило, что нужно воспользоваться услугами ресторана и службы доставки. Осталось определиться с выбором кухни.

Какую она любит кухню? Японскую, китайскую, корейскую?.. А может быть, предпочитает, традиционную европейскую? И нет ли у нее на что-нибудь аллергии? Вопросы только на первый взгляд простые, а когда понимаешь, что ответов на них не знаешь, они становятся нерешаемыми ребусами. Зато, кажется, у меня появился повод навестить в подвал, куда я радостно и отправился.

В прачечной царил полумрак. Как она гладит в таких потемках, интересно? Свет сюда проникал через два небольших окошка под потолком, и его было явно недостаточно. А потом я услышал голос Алисы:

– А ты что?.. А он?.. Ну ты даешь!..

Смех ее колокольчиком прокатился под низким потолком. И я бы расцвел от него буйным цветом, если бы именно в этот момент не учуял запаха гари. Когда врубил свет, глазам моим предстала картина, от которой в них потемнело от плохо контролируемого гнева.

Эта лиса сидела на стуле, закинув ногу на ногу и приложив к уху телефон. Рядом, аккуратно развешанные на плечики, красовались две мои стильные рубашки, которые я выбирал с такой любовью. На обоих зияло по дырке в форме утюга. А воняла как раз третья рубашка, на которой и дымился в настоящий момент утюг.

– Ты ненормальная?! – отлепил я утюг от рубашки, понимая, что и она варварски испорчена этим красивым и совершенно невозможным созданием. – Что ты тут творишь?!

– Окси, я тебе позже перезвоню, – зыркнула на меня своими голубыми озерами злая богиня и сунула телефон в карман. – Глажу, что же еще, – спокойно ответила.

– Это ты называешь глажкой?!

От возмущения у меня аж испарина на лбу выступила. А продолжающую сидеть напротив меня с невозмутимым видом злодейку захотелось пришибить на месте. Но не сразу, а медленно, сперва насладившись всеми ее прелестями, которые даже сейчас я не мог не замечать.

– Иди-ка сюда, засранка! – выдернул я шнур утюга из розетки, схватил мерзавку за руку и потянул из подвала.

Что-то в замкнутом и темном пространстве я начал задыхаться и плохо контролировать себя. Не помню, когда в последний раз был настолько зол. И дело было не в рубашках – бог с ними, куплю новые. Взбесила ее реакция – ну хоть бы капельку испугалась или выглядела виноватой. Так нет же – она еще и триумфатором себя возомнила!

– Объясни, зачем ты это сделала?! – припер я Алису к стенке, как только оказались в гостиной.

Уже привычно ощутил волнительную близость ее соблазнительного тела, но злость помешала уделить всему этому должное внимание.

– Назло тебе! – проговорила она мне в лицо и даже глазом не моргнула. – Чтобы больше неповадно было... Я не обязана тебе гладить! Можешь вычесть стоимость своих рубашек из моей зарплаты, – нагло улыбнулась.

– Да ты и за год столько не заработаешь! – прорычал я, вдавливая ее собою в стену.

Несмотря на злость, реакция на эту девушку становилась все острее. В какой-то момент поймал себя на мысли, что думаю о том, как приятно к ней прижиматься, забывая о порче имущества.

– Ну значит, буду должна, – пожалала она плечами. – Можешь даже начислить проценты, – еще шире улыбнулась.

И мне до чертиков захотелось стереть с ее лица эту наглую улыбку, заставить ее стонать и извиваться от страсти, хотеть меня так же сильно, как я сейчас хотел ее. Все с ней шло не так. Все мои планы так или иначе стирались ее непредсказуемостью и строптивостью. Плюнув на все разумные мысли, я впился в ее губы, как тигр в сочное мясо. Мне хотелось не просто целовать ее, а терзать ее нежную плоть, зайти так далеко, насколько позволят остатки благо-разумия. Я мстил ей так, как хотел того – делал то, чего просто не мог не делать сейчас.

– Черт! Ну ты совсем что ли?!.

Она меня укусила! Да еще и так больно! Прижав ладонь к губе, я ощутил привкус крови во рту.

– Не лезь ко мне больше никогда! – метала она в меня молнии своими глазищами.

Я даже про боль забыл моментально, настолько она мне казалась сейчас прекрасной. Злая красавица. Именно такими, почему-то, мне представлялись сейчас сирены, что заманивали мореплавателей своими чарами, чтобы потом погубить. Только вот я гибнуть точно не соби-рался. Насчет этой девушки у меня были совсем другие планы.

– А в следующий раз, когда захочу поцеловать тебя, ты пырнешь меня ножичком? – невольно усмехнулся, представив себе эту картину.

– Надо будет, пырну, – отошла от меня Алиса на безопасное расстояние.

Безопасное для меня, а не для нее. Когда она рядом – я ни за что не могу ручаться.

– Давай договоримся – ничего, что не входит в обязанности горничной, ты меня не будешь заставлять делать. И тогда, может быть, доживешь до старости.

– Я подумаю над твоим предложением, но точно не обещаю.

– Предупреждаю, ты пожалеешь, – с улыбкой акулы посмотрела она на меня.

– Я буду очень осторожен, – усмехнулся, невольно восхищаясь силой ее духа.

– С твоего позволения я займусь этими крошками, – кивнула Алиса на уставленный цве-точными горшками подоконник. – Не хочу, чтобы они погибли в твоих варварских руках.

– Вперед! – кивнул, вспомнив сразу и о цветах, про которые напрочь забыл, и о Теноре, кто сегодня снова был обделен моим вниманием. – А я, с твоего позволения, пойду залижу уку-с змеи.

А заодно пообщаюсь с кенаром и решу, наконец-то, где и что заказать на ужин.

Вряд ли получится поработать сегодня в саду – кажется, дождь зарядил надолго. Да еще и какой сильный, ливень прям. Я с тоской смотрела в окно и вспоминала то, как жгла рубашки Савелия. Если мне и жалко было кого-то или что-то в тот момент, то сами рубашки – красивые и видно, что дорогие. Наверное, ему они тоже нравились. Ну, зато, будет ему наукой, чтобы не мнил из себя Макаренко. А то, ишь, перевоспитывать он меня решил, уму разуму научить захотел, да любовь к домашней работе привить. Может быть, когда-нибудь я и обучусь всему, но не раньше, чем выйду замуж за любимого человека, ради которого захочу измениться.

Конечно, хотелось бы наведаться в оранжерею, побродить по рядам, повдохнуть пряные ароматы... И так я окажусь подальше от Савелия, который почему-то возомнил, что может делать со мной все и даже распускать руки. Вот уж чего я никому не позволяю и никогда. А таких желающих у меня хоть отбавляй. Ну а те, кто знают меня поближе, уже и не мечтают о таком. Это я с виду только доступная. Да и то – так считают только ограниченные люди, что

привыкли судить по одежде. Если человек одевается экстравагантно и немного откровенно, то совсем не потому что хочет привлечь к себе нездоровое внимание. Хотя и привлекает... Ладно, в оранжерею я обязательно загляну перед уходом и прикину план работ на завтра.

Я все ждала какого-то подвоха от Савелия, но, походу, он решил меня оставить в покое. Его было не видно и не слышно, и постепенно я успокоилась, вернее, с головой ушла в любимое занятие.

Кто бы мог подумать, что до такой степени увлеченным цветами может быть мужчина! У хозяина дома росли цветы не только в горшках на подоконнике, но и напольные имелись. Одна монстера, вон, чего стоила. Сочная, с крепкими стеблями и разлапистыми листьями. Даже у меня дома не такая.

Однако, старичок не только интеллигентный, как охарактеризовала его Ира, но еще и смелый. Пожалуй, я бы хотела с ним познакомиться и кое-что ему объяснить. Дело в том, что монстера считается цветком-вампиром. Да-да! Разводя ее, следует помнить об этом. Но для некоторых этот цветок может стать и спасителем. Если знать о его магии, то польза от него будет ощутимой.

Пару лет назад я решила дать жизнь отростку монстеры у себя в доме, устав от вечных скандалов родителей. Если честно, я и не помню их не ссорящихся. И при этом, не могу сказать, что они ненавидят друг друга. Просто, мама у меня постоянно ревнует папу. Он же, когда устает оправдываться, начинает тоже кричать на нее. После бурной ссоры на короткое время наступает перемирие, а потом все по новой.

Вот от негативной энергетики, накапливаемой после родительских ссор, я и решила спастись монстерой. И помогло, знаете? Мне даже кошмары перестали сниться. А одно время, особенно в подростковом возрасте, они меня буквально преследовали.

Я замерла с тряпочкой над листом этого удивительного растения, осененная внезапной мыслью. Ведь монстера питается негативными эмоциями. И чем их больше, тем пышнее становится это растение. А тут их хоть отбавляй. Эдак, к возвращению дяди Савелия она разрастется до невероятных размеров. Невольно рассмеялась, представив монстеру размером с полкомнаты. Мелькнула мысль перетащить цветок в спальню Савелия, чтобы лишить его покоя и сна, но я ее, конечно же, отбросила. Он невероятно противный и настырный, но и я не злодейка. Пусть уж живет, ладно.

Я так увлеклась цветами, что забыла о времени. Не сразу сообразила, что это за резкий звук, напугавший меня. И только потом поняла, что кто-то звонит в дверь. Поскольку Савелий, кажется, испарился окончательно и не собирается открывать дверь, это пришлось сделать мне.

– Экспресс доставка еды! – счастливо прогорланил запыхавшийся парнишка, протягивая мне внушительных размеров коробку.

– Я не...

– Я заказывал, – раздался прямо у меня за спиной голос Савелия.

Пожалуй, напугал он меня даже сильнее дверного звонка, который показался чересчур пронзительным. Невольно отскочила в сторону, и конечно же, наградой за трусость мне стал его насмешливый взгляд. Ну а дальше я оставила его наедине с курьером, отправившись собирать свои садово-бытовые инструменты и удобрения.

Рубашки Савелия я погладила (если это можно так назвать, ха-ха!), все цветы в доме ублажила. Или не все?..

– Слушай, а есть еще цветы? – повернулась я к Савелию, и снова он стоял слишком близко ко мне, прямо нависал надо мной как гора.

– Ну пойдем, посмотрим... – лениво протянул он.

– А ты, что же, не знаешь? – невольно состроила я гримасу отвращения.

– Представь себе, понятия не имею. Кроме того, хочу тебя кое-с-кем познакомить.

– С кем еще? В доме живет кто-то еще?

И кто это может быть? И как он еще ни разу не появился?

– Увидишь, – взял меня Савелий за руку.

– Без рук! – строго напомнила я и первая направилась к лестнице.

На первом этаже цветов больше точно не было – я это знала отлично.

Н-да... Губа-то у Савелия распухла слегка. И я испытывала приступ стыда, за то что покусала его. Не рассчитала укус – не стоило так резко сжимать челюсти. Решит еще, что я кусачая акула. Хотя, какая мне разница – пусть думает, что хочет. Я вот от него тоже не в восторге. И была бы моя воля, знать бы его не знала. Спасибо Ирочке – свела с придурком!

На втором этаже в этом доме я еще не была. Да, собственно, тут и смотреть-то было нечего – небольшой холл с балконом и совершенно пустой, из которого вел короткий коридор. С каждой стороны коридора имелось по две двери, ну а пятой он заканчивался.

– Тут дядин кабинет – святыня, как я выражаюсь, – указал Савелий на одну из дверей.

– И что? – посмотрела я на него.

– Ничего. Просто для информации, – усмехнулся он. – Иголки-то спрячь, ежик.

– Сам дикобраз, – не осталась я в долгу. – Просто я думала, что насчет кабинета будут какие-то особые инструкции.

– Ничего особенного не будет – уборка два раза в неделю, как и везде.

А домик-то приличных размеров. За уборку в таком и платить должны хорошо. А Ирке, балде, поди гроши отстегивали.

– Там ванная, – указал Савелий на тупиковую дверь.

– А эта информация мне зачем? Мыться у тебя точно не собираюсь.

– Ну это еще не известно... Ну и убираться там тоже нужно, как ты понимаешь.

Черт! Как же он мне надоел!

– В спальню мою не хочешь заглянуть? – лукаво поинтересовался.

– Ни капельки! Загляну, когда тебя в доме не будет.

– Ну-ну, – вновь одарил меня снисходительной насмешкой.

И на что это он все время намекает? Уж не мечтает ли он затащить меня в постель? Этого мне только и не хватало!

Кроме кабинета и спальни Савелия тут еще имелась гостевая спальня, ну и спальня хозяйина, куда мы, собственно, и вошли. И сразу же с порога я услышала птичье пение – саму птицу еще даже не успела заметить.

– А это что? – принялась озираться по сторонам, заодно подмечая, какой идеальный порядок царит в этой комнате. Племянник точно нечета дяде. Или наоборот.

– А это Тенор – мой друг с недавних пор, – приблизился Савелий к клетке и принялся играть в гляделки с маленькой ярко-желтой птичкой. А та ему так заливисто что-то пропела, что мне аж завидно стало неизвестно почему. – Надеюсь, ты с ним тоже подружишься.

– Это канарейка? – прикинула я, что только эти птички могут быть таких расцветок. На самом деле даже близко в них не разбиралась.

– Кенар, если быть точным. Зовут его Тенор. И кажется, ты ему понравилась, – погладил Савелий птичку по холке. И та ему далась, представляете!

– Да? А почему же он замолчал при моем появлении? А тебе вон как распевал, – отчего-то даже немного обиделась я.

– Как почему? Да он просто обалдел от такой красоты и растерял все звуки. Да, Тенор? В этом плане он похож на меня.

– Ничего общего, – невольно рассмеялась я. – Из тебя наоборот все звуки так и прут, когда меня видишь.

Ну надо же! Оказывается, мы с ним можем общаться почти нормально. Только, что-то мне подсказывает, что не долго.

– Это потому что я – гомо сапиенс, а не птиц.

– Насчет сапиенса я бы поспорила, – пробормотала я себе под нос и сразу же сменила тему. – Что мне нужно будет делать с кенаром? Чистить ему перышки, кормить, говорить с ним... Что еще?

– Слушай, ты и правда колючая, как еж, – обреченно вздохнул Савелий. – Ничего не нужно с ним делать. Заботы о друге я беру на себя. А тебя хотел только познакомить с ним, не более.

– Привет, Тенор. Меня зовут Алиса. Очень приятно было с тобой познакомиться и до свидания! – скороговоркой проговорила я и направилась к двери.

Что-то комната эта вдруг показалась мне слишком тесной для нас двоих. Огромный Савелий задавливал в ней меня своими габаритами и массой.

– Ты куда? – понеслось мне удивленное в спину.

– Вообще-то, я собиралась отправиться домой, – вынуждена я была остановиться. – Дождь не собирается переставать, и в огород сейчас не войдешь, увы. В доме мне делать нечего. Думаю, ты не будешь против, если сегодня я уйду пораньше.

Проговорив все это, я почувствовала, как сильно устала за день, который уже казался мне бесконечным. Ведь после института я даже не успела заехать домой – сразу же отправилась за новой униформой, в которой, к слову, было очень комфортно. Мне до ужаса хотелось домой и на диван, а не сражаться с Савелием. Мечтала постоять под горячими струями в душе, посмотреть какую-нибудь мелодраму...

– А я хотел поужинать...

– Даже не вздумай просить меня что-то готовить, – перебила его я. – Не умею и не буду!

– Да я и не думал. После твоего чая, боюсь, если попрошу тебя сварить суп, ты мне подсыплешь туда яду, – усмехнулся Савелий. – Еду я заказал в ресторане. На двоих.

А, ну да – про недавнего курьера я умудрилась забыть.

– Ну значит, тебе больше достанется, потому что ужинать с тобой я не собираюсь.

Сказав это, я по лицу Савелия поняла, что он не собирается меня уговаривать. А еще он, кажется, разозлился. Ну и как результат, я поняла, что гораздо более голодная, чем думала только что. От мыслей о еде в том самом ящичке, что доставил курьер, у меня аж голова закружилась. Должно быть, там все очень вкусное и даже изысканное. Я уже пожалела, что отказалась от ужина, но гордость не позволила взять свои слова обратно. Кроме того, до ужаса было приятно позлить лишний раз Савелия.

– Завтра в пять жду тебя, – только и сказал он.

А губы-то как поджал! И кадык вон ходуном ходит. Ну-ну, получай по заслугам!

– Пока, – бросила я и поспешила прочь из этого дома, от доставучего хозяина и еды, что находилась где-то поблизости и будоражила воображение.

Глава 6

Разбудил меня звонок телефона ни свет ни заря. На часах стрелки даже не доползли еще до семи. И не то чтобы я любил спать долго, но в отпуске же сам бог велел, особенно когда полночи торчишь перед телевизором и думу думаешь, как завоевать самую строптивую девушку в мире.

– Дядь Вить, ну ты чего так рано?! – возмутился я, когда услышал знакомое покашливание в трубке.

– Извини Савушка, у стариков ночи короткие, – коварно прохихикал он на том проводе. – Да и подъемы тут ранние – сестрички на процедуры гонят.

– Как ты? – сонно поинтересовался, мечтая снова зарыться головой в подушку и проспять до самого вечера, пока не придет моя златокудрая нимфа.

Кажется, она мне снилась, только не помню как. Но отлично запомнил, что во сне она не кусалась и не кололась, что ласковая была и послушная – мечта, а не девушка.

– Да вот, петли смазали, теперь не так скриплю. А как там Тенор поживает? Не обижаешь ты его?

– У птица все замечательно – жрет за троих, гуляет по часам, песни распевает...

– Если распевает, это хорошо! Понравился ты ему, значит. Даже странно.

– Ничего странного не вижу, я многим нравлюсь.

Кроме одной стропливой особы, которая никак не разглядит во мне прекрасное. Ну ничего, я буду не я, если не придумаю, чем взять ее.

– За цветами смотришь?

– Само собой!

Смотрит моя ядовитая феечка, а я присматриваю за тем, чтобы она за ними смотрела. Губы сами расплылись в улыбке, стоило представить себе ладную фигурку Алисы в ярко-зеленом комбинезоне. И сразу же размечтался, как тяну за собачку молнии, открывая взору ее упругую грудь, как обхватываю ее за попку... Черт! Не нужно было себе этого представлять – вся кровь мигом бросилась в пах.

– Сава, вообще-то я по делу звоню.

– Да? А я думал, что соскучился, – невольно улыбнулся, представляя себе, как дядя поправляет очки на переносице и вмиг становится серьезным. Когда речь о деле-то.

– Ну дык и соскучился тоже. Ты, кстати, не собираешься навестить меня? А то я ж отсюда не вырвусь раньше окончания срока отсидки. Тут строгий режим.

– Собирался в воскресенье к тебе наведаться.

– В это? Замечательно! Ты тогда пораньше приезжай, может, порыбачим вместе, как в былые времена, помнишь?

Конечно, я это помнил! Почти все мое детство мы с дядей Витей провели на речке. Заядлый он был рыбак. Даже зимой просиживал и проруби. А уж летом и подавно. Мне его страсть не передалась, но те времена всегда вспоминал с теплотой.

– Договорились! Так что у тебя за дело?

– Ах, да! Вот же дурья башка – снова чуть не забыл! А дело на миллион.

И дальше дядя загрузил меня по полной. Сначала он мне долго объяснял, какие розы в оранжерее я должен срезать ровно одиннадцать штук, как правильно их нужно срезать и упаковывать потом. Ни за что не догадаетесь, для чего я все это должен был проделать! Чтобы преподнести их в подарок дядиной даме сердца (даже не знал, что у него есть такая) – директрисе детского дома, у которой завтра, оказывается, намечался юбилей, а я дядю так не вовремя отправил в санаторий. И это еще не все. В подвале, в чуланчике меня ждали несколько коробок гуманитарной помощи для детей этого детского дома, которую дядя с любовью собирал

по всей округе. Ну а в том, что он не мог доставить помощь сам, опять виноват оказался я. Потому и решил переложить эту обязанность дядя на мои плечи. И все это мне нужно было проделать завтра.

– Дядь Вить, ты издеваешься?! – возмутился я.

– А что такое?..

– Да я сроду таким не занимался.

– Ой ли! Ты же у нас известный меценат.

Сравнил не буду говорить, что и с чем. Одно дело выделять на благотворительность энную сумму и совсем другое проделывать все своими руками, которые явно не под то заточены. Да к дядиным розам я не знаю как подойти-то, а уж срезать... И тут меня осенило! Да ведь к этому делу можно привлечь Алисочку мою! А я всю голову сломал, как сделать так, чтобы и в выходные с ней увидеться. Меня уже заранее преследовала тоска, что сегодня пятница, и целых два дня мне придется провести вдаль от нее, без ее сладких речей и ясных очей. А тут такой вариант подвернулся.

– Ладно, уговорил! Постараюсь все проделать в соответствии с инструкциями, – воодушевленно пообещал. – А что передать на словах имениннице? Что ты скучаешь и любишь?

– Не говори глупостей – наши отношения еще не вышли на такой уровень, – серьезно так отчитал меня дядя. – И не веди себя с ней, как шалопай. Она женщина серьезная. Не порть мне репутацию.

– Да понял я, понял. Не буду ничего портить. Ну а ты можешь ей позвонить для разнообразия.

– Говорю же, не в тех мы еще отношениях – телефонами не обменивались...

Кстати! Мне бы тоже не мешало заполучить телефон моей феечки с зубками. Есть такая шикарная вещь, как смски, в которых можно сказать порой гораздо больше, чем в лицо. Особенно, когда разговаривать толком и не получается, все грызня какая-то выходит. Нужно будет и этим вопросом заняться.

Денек сегодня выдался чудесный! Это был последний день занятий в университете, и начиналась зачетная неделя. Я, наконец-то, подтянула последний «хвост», и меня допустили ко всем зачетам и экзаменам. Оставалось только настроиться на них, чтобы не ударить в грязь лицом. И пусть я никогда не училась на «отлично», но при минимуме стараний сессию могла сдавать достойно.

А еще сегодня светило солнце, что, впрочем, не удивительно для весны. Но после вчерашнего ливня я ему радовалась как манне небесной. И было почти по-летнему тепло, когда я возвращалась из универа домой. Даже немного постояла у капота машины и позагорала лицом.

Самую малость отравляла настроение необходимость тащиться на работу, но и там меня заждались цветочки, а перед этим еще оставалось достаточно времени, чтобы поесть и отдохнуть. Особенно первое – вчера чуть не загинула от голода и мыслей о еде, когда возвращалась домой. Зато с гордо поднятой головой и этому противному Савелию получилось утереть нос.

Стоило только переступить порог квартиры, как я поняла, что день сегодня выдался не только солнечный и успешный в плане учебы, но еще и необычный. Судя по менторскому маминому тону (а она всегда говорила громко и в выражениях не стеснялась) папа дома. С чего бы это? Обычно в это время он уже уезжает с обеда на работу. А на обед он тоже приезжает каждый день, стабильно. Так приучила его мама, которая не работала ни одного дня в жизни, кажется. Все финансы в нашей семье держатся на папе, а он у меня большой начальник и руководитель крупного предприятия.

– Мам, пап, я дома!.. Как дела, родители?

Я всегда так делала – кричала с порога, когда они ссорились. Это позволяло повиснуть паузе в их диалоге, а мне спокойно раздеться. Хотя, в душе уже зарождалось привычное раздражение, как реакция на ссору родителей. Вот же, не живет им спокойно! И что-то пауза сегодня затянулась.

– Дела не очень, доченька, – вышла в прихожую мама, и это меня тоже удивило.

– Что-то случилось?

– Да... – отвела она глаза в сторону, явно подбирая слова, а мои страхи только усилились. – Папа приболел – вот ушел с работы с обеда.

– А ты его пилишь? – не выдержала и набросилась я на маму.

Что ж она за человек! Если мужчина болеет, следует окружить его заботой и теплом, а не высказывать ему по поводу и без, да еще и придумывая половину.

– Да что ты! Я и не думала!.. – растерялась вдруг моя такая находчивая всегда мама.

И только тут я заметила слезы на ее лице.

– Мам, с папой что-то серьезное? Не простая простуда? – сразу же испугалась. – Почему ты плакала?

Чтобы довести маму до слез, нужно очень постараться. Это она кого хочешь довести может.

– Не в этом дело. Ну, то есть, и в этом тоже... У папы давление подскочило, но сейчас ему уже лучше. Надо только немного отлежаться.

– А в чем же тогда?

Я же видела, что она что-то недоговаривала. И паника моя от этого только разрасталась.

– Завод закрывают, и всех уведомили о сокращении, – всхлинула мама. – Через месяц твой отец останется без работы.

Фух! Аж от сердца отлегло.

– Ничего страшного. Найдет другую. Папка у нас умный! – с воодушевлением проговорила я.

– Он-то умный, да возраст у него уже предпенсионный. Кто возьмет? Да и кем? Он ведь привык руководить...

А еще зарабатывать столько, что мы ни в чем не нуждались никогда. И кажется, сейчас маму именно этот вопрос волнует больше всего. Он волновал и меня, конечно. Но это точно не конец света, и мы обязательно что-нибудь придумаем. В конце концов мы с мамой тоже можем устроиться на работу. Вон Ира работает же не покладая рук и сама себе оплачивает учебу.

– Мам, прорвемся!

– Эх, дочка, ты не знаешь, что такое жить на гроши? – вздохнула мама, следуя за мной в ванную.

Я же больше всего сейчас хотела есть. Ни о чем другом пока и думать не могла.

– А ты знаешь? – с улыбкой поинтересовалась.

– Еще как знаю! Так и жила, пока не вышла замуж.

И тут я впервые задумалась на тему, а может, мама и не любила никогда папу? Вышла замуж за мужчину на пятнадцать лет старше, по расчету. Он ей обеспечил сытую жизнь, а она его держала в тонусе скандалами. А ее ревность шла фоном, как защитная реакция. Не хотелось так думать про маму, но мысль эта засела прочно в голове. Вот и ребенка она ему родила только одного – меня. А я ведь помню по детству их разговоры и намеки папы, что надо бы им родить мне сестричку или братика. Только все эти разговоры мама обрывала на корню.

Что-то от всех новостей и мыслей стало так грустно, что даже аппетит поубавился. Как и все нормальные девушки, я мечтала о большой любви и принце на белом коне. Пока еще я такого не встретила, хоть и недостатка в мужском внимании не испытывала. С парнями, конечно, встречалась, но разве же то было любовь? Так, скорее, спасение от скуки. Да и все мои отношения не длились долго. С одним только старшекурсником мы встречались полгода

и даже в какой-то момент мне показалось, что я люблю его. Но все закончилось банально – в нашей однушке, которую мы сняли, чтобы жить вместе, я застала его с любовницей. И тогда, не умерев на месте от горя, я поняла, что даже близко это не было любовью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.